

ΜεγαΜεγαφον

Пешел
твоей
НЕВЕСТЫ

18+

МегаМегафон

Пепел твоей НЕВЕСТЫ

«Автор»

2026

МегаМегафон

Пепел твоей НЕВЕСТЫ / МегаМегафон — «Автор», 2026

Она согласилась выйти за него через месяц после знакомства. Красивый, богатый, внимательный — он стал для нее всем, когда умерла мама, а мир рухнул. Последнее, что она помнит: дверь спальни в их первую брачную ночь. Она очнулась в гробу под землей. Живая. А он смотрит сквозь нее и не узнает. У него уже новая невеста. Ему тысяча лет. Он — генерал, казнивший свою невесту, и проклятый ею на вечную жизнь. Каждую новую жену он убивает в брачную ночь и забывает наутро. Она выжила. Она вернулась. И она хочет только одного: вспомнить, что произошло в той спальне, и заставить его заплатить. Но когда ты влюбляешься в монстра — месть становится приговором.

Содержание

Пепел твоей невесты	5
Глава 2. Та, которой нет	8
Глава 3. Изба, которой нет	10
Глава 4	13
Глава 5. Стекло и сталь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

МегаМегафон

Пепел твоей НЕВЕСТЫ

Пепел твоей невесты

Глава 1

1147 год, Древняя Русь. Воевода Мирослав — легенда, железный князь, не знающий поражений. У него есть невеста, Берегиня (имя значит «хранительница очага, защитница»). Она не просто красавица — она ведунья, целительница, которую народ любит за доброту. Мирослав на войне. В его отсутствие завистники (или проигравшие враги) распускают слух, что Берегиня — ведьма, которая наслала мор на его дружину, что она изменяет ему с его же соратниками, чтобы ослабить его власть. Мирослав, ослепленный гордыней и усталостью от крови, верит наветам. Он возвращается тайно и застаёт Берегиню в ночном лесу за сбором трав (она лечила раненых). Принимая это за колдовской шабаш, он прилюдно обвиняет её и казнит — сжигает на костре, как ведьму. Перед смертью Берегиня не проклинает его в ярости. Она смотрит на него с бездонной печалью и говорит тихо, но так, что ветер доносит до каждого:

«Ты не поверил мне, живой. Так поверь мёртвой. Ты будешь жить, Мирослав. Тысячу лет, две тысячи. Ты будешь искать любовь, которой не дал мне. Ты будешь жениться снова и снова, и каждую брачную ночь твоя жена будет умирать от твоих же рук, а ты — забывать её лицо наутро, как забыл моё. И только когда ты полюбишь по-настоящему — не за красоту, не за покорность, а душой — ты станешь смертным и умрёшь. Но любовь будет стоять ей жизни. Выбирай, воин. Жить вечно в аду или умереть, убив единственную»

Её пепел развеялся по ветру. А Мирослав остался. Навсегда.

Наше время. Главная героиня.

Алиса. 20 лет. Художница. Живет в крошечной квартире, оставшейся от мамы, которую потеряла год назад. Работает в кофейне. Она из тех, кого не замечают: серая мышка, вечно в краске, с огромными грустными глазами. Внутри нее — бездна одиночества и жажда хоть какой-то искры. Она мечтает о любви, о которой читает в книгах, но не верит, что такое бывает в реальности.

Последнее, что я помню

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда. Это для дурочек из Инстаграма, которые путают гормоны с судьбой. Я слишком скучная для таких сказок. Слишком серая. Слишком... никакая. Но потом я увидела его.

Это было месяц назад. Я сидела на скамейке в парке, прямо напротив места, где мы развеяли прах мамы. Год. Прошел ровно год, как я одна. Денег нет, друзья разбежались (кому нужна вечно грустная девушка?), и я думала, что хуже уже не будет. Он просто сел рядом. Сначала я подумала, что мне показалось. Таких людей не бывает. Холодный, породистый профиль, седина на висках (современная мода или... возраст?), глаза — как осколки балтийского янтаря. Дорогой костюм сидел на нем так, будто он родился в нем верхом на коне. Он посмотрел на меня. Не так, как смотрят парни в клубах — оценивающе, раздевая. Он посмотрел сквозь меня, а потом... внутрь. Будто увидел ту самую пустоту, что жила во мне весь этот год. — Вы плачете, — сказал он. Не спросил. Утверждал. Я коснулась щеки. Было мокро. Я даже не заметила. — Уже нет, — ответила я, потому что от его взгляда слезы действительно высохли. — Это пройдет, — сказал он. — Пустота заполняется. Иногда — самым неожиданным.

Он не представлялся. Не клеился. Просто сидел рядом молча, а потом ушел, оставив на скамейке свой платок с вышитыми инициалами «М.К.». Я пришла туда на следующий день. Он снова был там. Так начался мой личный ад, разрисованный под рай.

Он был щедр. Невероятно щедр. Он покупал мне краски, холсты, оплатил долги за квартиру. Он слушал. Он говорил, что я талантлива, что я особенная, что мои глаза — это портал в другую вселенную. Он был идеален. И он попросил меня стать его женой через три недели. Я согласилась. Сейчас я понимаю: я согласилась не потому, что любила. Я согласилась, потому что он заполнил тишину. Потому что рядом с ним я переставала чувствовать холод одиночества. Я отчаянно хотела верить, что мама послала его мне.

Сегодня наша свадьба. Его особняк за городом. Старый, каменный, пахнет сыростью и почему-то лилиями. Гостей нет. Только мы, священник (странный, с пустыми глазами) и тишина. Я в белом платье. Он берет меня за руку. Его пальцы ледяные. — Ты не передумала? — спрашивает он, глядя на меня с такой надеждой, что сердце сжимается. — Нет, — шепчу я. Он ведет меня к лестнице. В спальню. — Подожди меня здесь, — говорит он у двери. — Я приду через минуту. Я вхожу. Комната утопает в белых лилиях. Пахнет сладко, душно, мертво. Я сажусь на край кровати и смотрю на дверь. Она открывается. Я вижу его силуэт в проеме. Свет лампы бьет сзади, и я не вижу лица. Только глаза. Янтарные. Которые горят в полумраке. Я хочу улыбнуться. Но вдруг мое горло сжимает ледяной спазм. Я не могу вдохнуть. В комнате холодно. Так холодно, что выдыхаемый воздух превращается в пар. — Что... что происходит? — мой голос — это писк комара. Он делает шаг вперед. Я вижу его лицо. Оно прекрасно. И оно мертво. На нем нет ни капли чувства. Ни нежности, ни страсти. Только обреченность. И усталость. Бесконечная, тысячелетняя усталость. — Прости, — говорит он. — Я правда надеялся, что в этот раз ты выживешь. Он протягивает руку, чтобы коснуться моего лица... И я проваливаюсь в темноту.

Земля. Холодная, мокрая земля давит на грудь. Я не могу дышать. Я пытаюсь закричать, но рот забит грязью. Я царапаю ногтями доски. Гроб. Я в гробу. Я жива. Я жива?! Крик раздирает глотку, когда я с чудовищным усилием выбиваю крышку. Руки в крови, ногти сломаны. Я гребу землю, задыхаясь, выплевывая червей. Я вылезаю наружу под светом полной луны. Кладбище. Я стою на своей собственной могиле. На деревянном кресте коряво выведено: «Алиса. 20 лет. Любимой жене». Я смотрю на свои руки. Грязные, живые, дрожащие. Что произошло? Что он со мной сделал? Я пытаюсь вспомнить ту секунду в спальне — и не могу. Темнота. Провал. Но одно я знаю точно. Он меня убил. И я пойду к нему. Я должна увидеть его глаза. Я должна понять. Я бреду к его особняку, оставляя за собой след из грязи и крови. У ворот горит фонарь. Я встаю, шатаюсь от слабости. Дверь особняка открывается. Выходит ОН. В костюме, с бокалом виски в руке. Смотрит на меня. Его взгляд скользит по моему лицу равнодушно, как по пустому месту. — Ты похожа на бездомную кошку, — бросает он с ледяной скукой. — Проваливай, пока я полицию не вызвал. Он не узнает меня. Он смотрит на женщину, которую месяц уговаривал выйти замуж, на ту, которую вел под венец сегодня утром, и НЕ УЗНАЕТ. Я стою, не в силах вымолвить ни слова. А он проходит мимо, садится в машину и уезжает. Я опускаюсь на колени прямо в грязь. Что я такое? Почему я жива? И почему он меня забыл?

Я поднимаю голову и вижу в окне второго этажа женский силуэт.

Тонкий. Красивый. В белом халате, который слишком похож на подвенечное платье. Она смотрит на меня сверху вниз, и даже с такого расстояния я чувствую — она меня боится. Или ненавидит. Или уже ревнует к тому, кого считает призраком прошлого.

Новая.

У него уже есть новая.

А я стою здесь — живой труп, вымазанный землей, с обломанными ногтями и дырой в груди вместо сердца. Потому что сердце осталось там. В той спальне. В ту секунду, когда он вошел.

Машина скрывается за поворотом. Фонарь у ворот мигает и гаснет. Девушка в окне задерживает штору.

Я остаюсь одна.

Ветер треплет мои спутанные волосы. Где-то вдалеке лает собака. Луна прячется за тучи. И только сейчас я замечаю, что на мне — мое свадебное платье. Грязное, рваное, пропитанное землей и потом смерти.

Но оно на мне.

Значит, он похоронил меня в нем.

Значит, он все-таки проводил меня до конца.

— Алиса, — шепчу я вслух свое имя, чтобы убедиться, что я еще существую.

Голос есть. Я есть.

И теперь я знаю, что делать.

Я не пойду в полицию. Не побегу к подругам (их нет). Не лягу на рельсы.

Я пойду туда, где смогу спрятаться. Буду ждать. Смотреть. Слушать.

Я узнаю, кто он. Что он. И почему я до сих пор дышу.

А потом я войду в его дом с парадного входа.

И задам только один вопрос:

— Ты помнишь меня теперь?

Глава 2. Та, которой нет

Я обещала себе спрятаться и наблюдать.

Но куда идти? Домой? В мою квартиру, где пахнет мамиными духами и моими несбывшимися надеждами? Он знает этот адрес. Он оплачивал мои счета. Если я вернусь туда, он либо найдет меня, либо... либо там уже кто-то есть.

Я бреду вдоль трассы, спотыкаясь о камни. Свадебное платье превратилось в лохмотья, туфли я потеряла еще в гробу. Ноги в кровь стерты. Мимо проносятся машины, фары выхватывают из темноты мой безумный силуэт. Никто не останавливается. Кто захочет подвозить невесту-зомби?

Через час я понимаю: я иду не к своему дому.

Ноги сами привели меня туда, где все началось.

Парк. Та самая скамейка. Напротив — место, где мы развеяли мамин прах.

Я падаю на скамейку и смотрю на небо. Холодно. Октябрь. Скоро рассвет. Я сижу в рваном подвенечном платье, пахну землей и смертью, и пытаюсь понять: я сошла с ума или уже умерла и это чистилище?

— Долго же ты шла, — раздается голос из темноты.

Я подсказываю. Сердце (оно все-таки есть!) пропускает удар.

На соседней скамейке сидит старуха. Я готова поклясться — секунду назад ее там не было. Черный платок, клюка, глаза... глаза молодые. Очень молодые. И злые.

— Ты кто? — шепчу я.

— А ты не узнаешь? — она усмехается беззубым ртом. — Присмотрись.

Я всматриваюсь в ее лицо сквозь предрассветный туман. И меня накрывает ледяная волна.

Эти глаза. Я видела их сегодня. В окне его особняка.

— Ты... та девушка? Новая невеста? — голос срывается.

Старуха смеется. Страшно. Надсадно.

— Глупая. Какая я тебе невеста. Я та, кем ты станешь, если не одумаешься.

Она встает. Клюка стучит по асфальту. Подходит ближе. От нее пахнет... лилиями. Теми самыми, что душили меня в спальне.

— Я была его женой. Пятьдесят лет назад. Звали меня Клавдия. Я тоже очнулась в гробу. Тоже пришла к нему. Тоже хотела мстить.

У меня подкашиваются ноги. Я снова падаю на скамейку.

— Но ты же... ты старая. А он...

— А он не стареет, — перебивает Клавдия. — Потому что он проклят. А мы, выжившие, — мы прокляты вдвойне. Мы не можем умереть, пока не закончится его история. Мы стареем. Медленно. Мучительно. Я жду пятьдесят лет. Жду, когда кто-то из нас сможет его убить.

Она хватается меня за подбородок. Пальцы ледяные. Сильные.

— Ты первая, кто вылез из гроба так быстро. Обычно они лежат по три дня, пока душа мечется. А ты — сразу. Значит, в тебе есть сила. Та самая сила, которой он когда-то сжег свою ведьму.

— Берегиню? — выдыхаю я.

Клавдия замирает. Отпускает меня. Отшатывается.

— Откуда ты знаешь это имя?

Я не знаю. Откуда я его знаю? Оно само всплыло из глубины. Из той темноты, куда я провалилась в спальне.

— Пойдем, — Клавдия резко разворачивается. — Пойдем, пока он не вернулся. Я покажу тебе, что он скрывает. Я покажу тебе дом, в который он никогда не заходит. Тот самый дом, где жила ОНА.

— Где?

Старуха оборачивается. В ее глазах горит безумный огонь надежды.

— Там, где все началось. В лесу, где он ее сжег. Там до сих пор стоит ее изба. Никто ее не видит. Никто не может войти. Кроме таких, как мы.

Она протягивает мне руку.

— Если ты хочешь его убить — нам по пути. Если хочешь простить — оставайся здесь. Он скоро вернется с объезда, заметит тебя на камерах и приедет. Добьет. Потому что второй раз ты не выживешь.

Я смотрю на ее руку. Морщинистую. Старую. Но с идеальным маникюром. Следы другой жизни. Жизни, которую у нее украли.

— А если я выберу месть? — спрашиваю тихо.

— Тогда мы пойдем к Берегине. И узнаем, как сжечь того, кто не горит.

Я вкладываю свою ладонь в ее.

Мы уходим в лес, когда первые лучи солнца касаются верхушек деревьев. Я оглядываюсь на город, в котором у меня больше нет ни дома, ни имени, ни будущего.

И замечаю то, от чего кровь стынет в жилах.

На въезде в парк стоит черный внедорожник. Тот самый, на котором он уехал.

Он стоит и смотрит на меня через тонированные стекла.

Он не уезжал. Он все это время был здесь.

Он следил за мной.

Глава 3. Изба, которой нет

Лес глотает нас сразу. Шаг за шагом — и город исчезает, будто его никогда и не было. Здесь тихо. Так тихо, что слышно, как падают иголки с сосен. Клавдия идет быстро, клюка не оставляет следов на мху.

Я оглядываюсь назад.

Черный внедорожник остался у въезда в парк. Он не тронулся с места. Он не погнался.

— Не оборачивайся, — шипит Клавдия. — Он не за тобой смотрит. Он за мной следит. Давно.

— За тобой?

— Я единственная, кто знает дорогу к избе. Остальные... — она запинается. — Остальные пытались найти ее сами. Их никто не нашел потом. Никто не знает, где они.

— Он их убил?

Клавдия молчит так долго, что я перестаю ждать ответа.

— Он их не убивал, — говорит наконец. — Он их забирал. Снова. Они снова соглашались стать его женами. Потому что боялись смерти больше, чем проклятия. Потому что он умеет уговаривать. Он красивый. Он обещает вечность. А они забывали, что вечность с ним — это гроб каждую ночь.

— А ты?

— А я старая и страшная. Я ему не нужна. Я просто напоминание. Кошмар, который приходит по ночам.

Мы выходим на поляну.

Я ожидала увидеть руины. Черное пепелище. Обгоревшие бревна.

Но изба стоит целая. Новая. Будто ее вчера построили. Резные наличники, высокая крыша, труба, из которой вьется тонкий дымок.

— Этого не может быть, — шепчу я. — Ее сожгли тысячу лет назад.

— Ее душу сожгли. А дом остался. Он стоит вне времени. Вне смерти. Только те, кто побывал в гробу, могут его увидеть.

Клавдия толкает дверь. Та открывается без скрипа.

Внутри тепло. Горит печь. На столе — свежий хлеб и кувшин с молоком. Будто хозяйка только что вышла.

— Она здесь? — спрашиваю я, боясь ответа.

— Она везде. И нигде. Садись.

Я сажусь за стол. Клавдия садится напротив. И вдруг ее лицо меняется. Морщины разглаживаются, спина выпрямляется. Передо мной уже не старуха, а женщина лет сорока. Красивая. С синими глазами и длинной русой косой.

— Так лучше? — спрашивает она голосом Клавдии. — Здесь я могу быть собой. Здесь проклятие старения не работает.

— Ты... ты не старуха?

— Я та, кем была до него. И та, кем стану снова, когда выйду за порог. Выбирать не приходится.

В печи вспыхивает пламя ярче. Тени пляшут по стенам. И вдруг в одной из теней я вижу силуэт. Женский. С распущенными волосами.

— Берегиня? — мой голос срывается.

Тень молчит. Но в голове звучит голос. Тихий. Грустный. Тот самый, что проклинал его тысячу лет назад:

«Ты вернулась. Я знала, что ты вернешься. Ты всегда возвращаешься».

— Всегда? — я смотрю на Клавдию. — Что она говорит?

Клавдия бледнеет.

— Она говорит с тобой? Я слышу только ветер. За пятьдесят лет я не слышала ни слова.

«Они не слышат, — продолжает голос Берегини. — Они приходят мстить. Они хотят крови. А ты... ты хочешь знать. Ты хочешь понять. Поэтому ты здесь. Поэтому ты выжила в ту ночь. Ты не просто очередная невеста. Ты — та, кто может разорвать круг».

— Как? — кричу я. — Как разорвать?

«Ты должна влюбить его в себя».

Тишина. Такая густая, что закладывает уши.

— Что? — я смеюсь. Нервно. Истерично. — Влюбить? Того, кто меня убил? Того, у кого новая невеста? Того, кто забыл мое лицо через час после моей смерти?

«Именно. Потому что проклятие работает в обе стороны. Он должен полюбить — чтобы стать смертным. Но он разучился любить. Тысяча лет механических браков, тысяча лет забытых лиц — его сердце умерло. Но ты... ты не умерла. Ты единственная, кто вернулся. В тебе есть часть меня. Часть той силы, что я отдала, проклиная его. Если он полюбит тебя — он станет человеком. И тогда ты сможешь его убить».

— Почему я? Почему не Клавдия? Не другие?

«Другие были. Многие. Я посылала их к нему снова и снова. Но они боялись. Они помнили холод гроба. Они ненавидели его слишком сильно. А ненависть он чувствует за версту. Он избегает их, выслеживает, забирает. Они думали, что прячутся, но он находил их всех. Потому что они хотели его смерти, а не любви. А проклятие можно снять только любовью. Настоящей. Добровольной. Жертвенной».

— Я не смогу полюбить монстра.

«Сможешь. Потому что под монстром — тот самый мальчик, который когда-то нес меня на руках через все поле боя. Тот, кто клялся у алтаря, что умрет за меня. Тот, кого сломали ложью и гордыней. Он не монстр. Он жертва. Как и мы все. Но выбор за тобой. Ты можешь уйти отсюда, спрятаться, стареть, как Клавдия, и ждать, пока он найдет тебя. Или можешь вернуться и заставить его полюбить тебя заново. А потом — убить».

Пламя в печи гаснет. Тень исчезает.

Клавдия смотрит на меня расширенными глазами.

— Что она сказала? — шепчет она. — Я ничего не слышала. Только твой крик.

Я молчу. Смотрю на свои руки. На них еще осталась земля с могилы.

— Она сказала, что я должна стать его невестой. Снова. И влюбить его в себя.

Клавдия вскакивает:

— Ты сошла с ума! Он убьет тебя снова! В первую же ночь!

— Нет. Не убьет. Потому что в этот раз я буду знать. Я буду помнить. И я не дам ему прикоснуться ко мне, пока он не... пока он не...

Я не могу договорить. Потому что сама не верю в то, что говорю.

— А новая невеста? — Клавдия ходит по избе. — Эта дурочка в окне? Она сейчас с ним. Она будет спать с ним. Она будет...

— Она будет мертва завтра утром, — перебиваю я. — Если уже не мертва сегодня. Он не откладывает. Первая брачная ночь — всегда смерть.

Тишина.

Я встаю.

— У него есть дом. У него есть жизнь. У него есть камеры, машины, деньги. У меня ничего нет. Даже имени. Даже свидетельства о смерти — потому что официально я жива, но никто не будет меня искать. И знаешь что? Это мое преимущество.

— Преимущество?

— Меня нет. Я призрак. Я могу быть кем угодно. Могу появиться там, где он не ждет. Могу стать той, в кого он влюбится. Потому что я уже была ею. Месяц назад. Я знаю все его

слова. Все его жесты. Я знаю, как он смотрит, когда хочет тебя. И я знаю, как он смотрит, когда собирается убить.

Я иду к двери.

— Ты куда? — кричит Клавдия.

— Искать его.

— Он убьет тебя!

— Он уже пробовал. Видимо, недостаточно старался.

Я выхожу из избы.

И застываю.

Прямо на поляне, в двадцати метрах от меня, стоит ОН.

В черном пальто. С непокрытой головой. Ветер треплет его седые волосы. Он смотрит прямо на меня.

Он не в машине. Он здесь.

Клавдия выбегает следом, вскрикивает и падает на колени:

— Нет... нет... только не сегодня... я не хочу...

Он не смотрит на нее. Он смотрит только на меня.

— Интересно, — говорит он спокойно. Будто мы на светском рауте. — Ты видишь избу. Значит, ты была в гробу. Значит, ты выжила. А я даже не запомнил твое лицо. Впрочем, я никогда не запоминаю.

Он делает шаг ко мне.

— Но есть одна проблема, маленькая моя. Ты стоишь на моей земле. Ты разговаривала с моим прошлым. И ты, кажется, собралась мстить.

Еще шаг.

— Так мсти. Я здесь. Я устал. Я даже сопротивляться не буду. Давай. У тебя есть минута, пока я не передумал.

Я смотрю на него. На его глаза. В них действительно усталость. Бесконечная. Древняя. И что-то еще. То, чего я не ожидала увидеть.

Страх.

Он боится. Не меня. Он боится надежды. Боится, что я — та самая. Что я сниму проклятие. Что он снова станет смертным.

Он боится умереть.

И в этот момент я понимаю: Берегиня права. Его нельзя убить из ненависти. Его можно убить только любовью.

— Я не буду мстить, — говорю я тихо. — Пока.

Он замирает.

— Что?

— Ты меня не помнишь. Ты забыл мое имя. Ты забыл, как уговаривал меня выйти за тебя. Как клялся, что я особенная. Так докажи. Найди меня заново.

Я делаю шаг к нему. Вплотную. Смотрю в его глаза.

— Меня зовут Алиса. И я согласна стать твоей женой. Во второй раз.

Он смотрит на меня так, будто я ударила его под дых.

Клавдия за спиной всхлипывает.

А где-то в глубине леса — или в глубине веков — тихо смеется Берегиня.

Глава 4

Тридцать дней до ада

Он молчит так долго, что я успеваю сосчитать удары своего сердца. Семнадцать. Восемнадцать. Девятнадцать. Интересно, сколько еще протянет это глупое сердце, прежде чем он снова его остановит.

— Ты или сумасшедшая, — говорит он наконец. — Или самая смелая женщина, которую я встречал за последние пятьсот лет.

— Я художница, — отвечаю я. — Это почти одно и то же.

Краешек его губ дергается. Это не улыбка. Это что-то другое. Удивление? Интерес? Он не привык, чтобы ему ставили условия.

— Ты хочешь, чтобы я ухаживал за тобой снова? — в его голосе проскальзывает ирония. — Цветы, рестораны, прогулки при луне? Я это уже делал. Ты сама сказала — я делал это месяц назад. Только я, видишь ли, не помню деталей.

— Тем интереснее будет знакомиться заново, — я скрещиваю руки на груди, хотя внутри все дрожит. — Ты узнаешь меня с другой стороны. А я... я узнаю, каким ты бываешь, когда не пытаешься понравиться.

Он прищуривается:

— Звучит как вызов.

— Это он и есть.

Ветер гнет верхушки сосен. Где-то позади Клавдия так и стоит на коленях, боясь пошевелиться. А мы стоим друг напротив друга — убийца и его жертва, и торгуемся о свадьбе, как на базаре.

— Месяц, — повторяет он. — Тридцать дней. А потом ты станешь моей женой. И проведешь со мной ночь. Ты понимаешь, что это значит?

— Ты меня убьешь, — отвечаю я спокойно. — Как убил всех остальных. Да, я в курсе.

Он вздрагивает. Едва заметно, но я замечаю. Он не ожидал, что я знаю. Он не ожидал, что я буду так спокойно говорить о собственной смерти.

— И тебя это не пугает?

— Умирать страшно только первый раз, — я улыбаюсь. — А второй — это уже традиция.

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Так, будто видит впервые. Хотя технически так и есть — он действительно видит меня впервые. Ту меня, которая не влюблена в него до беспамятства, а смотрит открыто и холодно.

— Хорошо, — говорит он вдруг. — Месяц. Но на моих условиях.

— Каких?

— Ты переезжаешь ко мне. Сегодня. Сейчас.

Клавдия за спиной всхлипывает громче.

— Ты с ума сошла? — шипит она. — Он убьет тебя раньше! Он не умеет ждать!

Но я смотрю только на него.

— Зачем?

— Затем, что я не выпускаю тебя из виду, — отвечает он жестко. — Ты знаешь про избу. Ты говорила с ней. Ты выжила там, где не выживал никто. Ты — аномалия. Или мой шанс. Или моя смерть. Я должен понять, кто ты.

— А если я откажусь?

Он пожимает плечами:

— Тогда я уйду. Найду другую. Через месяц она станет моей женой, а ты будешь стоять здесь и ждать, когда я вернусь, чтобы добить тебя. Потому что выжившие не живут долго. Я всегда возвращаюсь за ними.

Он говорит это так буднично, что мороз идет по коже.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Оставляю. Ты можешь пойти со мной и попытаться влюбить меня в себя за тридцать дней. Или можешь остаться здесь и ждать смерти. Выбирай.

Я смотрю на Клавдию. На ее испуганное лицо. На ее руки, которые дрожат. Она ждала пятьдесят лет. Я не хочу ждать пятьдесят лет. Я хочу закончить это сейчас.

— Я пойду, — говорю тихо.

Клавдия вскрикивает:

— Нет! Ты не представляешь, что это такое — жить с ним под одной крышей! Видеть его каждый день! Чувствовать его запах! Слышать его дыхание по ночам! Ты сойдешь с ума!

— Я уже сошла, — отвечаю я. — В тот момент, когда открыла глаза в гробу.

Я подхожу к нему. Вплотную. Снова. Я ловлю себя на мысли, что мне это нравится — стоять так близко, видеть его реакцию.

— Я пойду с тобой. Но запомни: каждый день этого месяца я буду напоминать тебе, что ты — чудовище. Каждый день я буду показывать тебе, что ты потерял. А каждую ночь... каждую ночь ты будешь гадать: придет она ко мне или нет?

Он сглатывает. Я вижу, как дергается кадык на его шее.

— Ты играешь с огнем, девочка.

— Я уже горела. Мне не страшно.

Мы идем через лес. Он впереди, я чуть сзади. Молчим.

У кромки леса я оборачиваюсь. Клавдия стоит на поляне — маленькая, сгорбленная, беспомощная. Она машет мне рукой. Крестит меня в спину.

Я отворачиваюсь.

Машина все еще стоит у въезда в парк. Он открывает передо мной дверь. Как джентльмен. Как тогда, месяц назад.

— Спасибо, — говорю я, садясь в нагретое кожаное кресло.

— Ты странная, — замечает он, обходя машину и садясь за руль. — Обычно они или плачут, или проклинаят. А ты благодаришь.

— Я благодарю за то, что ты дал мне шанс, — отвечаю я честно. — Ты мог убить меня там, на поляне. Не убил. Значит, я тебе зачем-то нужна.

Он поворачивает ключ зажигания. Мотор урчит.

— Ты мне нужна, чтобы понять, почему ты выжила. Это все.

— Конечно, — киваю я. — Конечно, это все.

Мы едем в его дом. В тот самый, где я умерла сегодня утром. Прошло всего несколько часов, а я снова здесь. Только теперь я не невеста. Я гостья. Или пленница. Или охотница.

В машине играет тихая музыка. Что-то старое, инструментальное. Я смотрю в окно на проплывающие мимо огни города и думаю: через месяц я либо умру снова, либо убью его.

Третий вариант, о котором сказала Берегиня, я даже не рассматриваю. Полюбить его по-настоящему? Невозможно.

Правда?

Мы подъезжаем к особняку. Тому самому. Я смотрю на окна второго этажа. В том, где сегодня видела силуэт новой невесты, теперь темно.

— Где она? — спрашиваю я.

— Кто?

— Та девушка. Что была здесь утром.

Он глушит мотор и поворачивается ко мне. В полумраке салона его глаза кажутся черными.

— Какая девушка?

— Твоя невеста. Новая. Я видела ее в окне, когда стояла у ворот.

Он смотрит на меня долгую секунду. Потом усмехается:
— Ах эта. Ее звали Карина. Кажется.
— Где она?
— Там же, где и ты сегодня утром.
Я застываю.
— Ты убил ее. Сегодня. В нашу... в мою брачную ночь.
— Это была не твоя брачная ночь, — поправляет он спокойно. — Твоя была вчера.
Сегодня была ее. И да, она умерла. Как и все.
— И ты... ты похоронил ее?
— Разумеется. У меня целое кладбище за домом. Хочешь, покажу?
Меня тошнит. Я открываю дверь машины и выхожу на холодный воздух. Глубоко дышу.
Он выходит следом. Встает рядом.
— Ты спрашивала, почему я не помню лиц. — Голос его звучит глухо. — Вот поэтому.
Если бы я помнил каждую, кого убил, я бы сошел с ума в первый же век. Память — это роскошь, которую я не могу себе позволить.
— Ты чудовище, — выдыхаю я.
— Да, — соглашается он просто. — Я чудовище. И ты решила прожить со мной месяц.
Добро пожаловать домой, Алиса.
Он разворачивается и идет к двери. Я смотрю на темные окна, за которыми сегодня умерла девушка, которую я даже не знала.
И делаю шаг следом.
Внутри все так же, как я запомнила. Высокие потолки. Темное дерево. Старинные картины. И запах. Тот самый запах, который я чувствовала, входя в спальню.
Лилии.
Они стоят везде. В вазах, в кадках, в горшках. Белые, влажные, пахнущие смертью.
— Ты их любишь? — спрашиваю я.
— Ненавижу, — отвечает он, не оборачиваясь. — Но они растут там, где пролилась кровь.
А здесь пролилось много крови. Со временем я перестал их вырывать. Бесполезно.
Он ведет меня по лестнице. Второй этаж. Длинный коридор. Много дверей.
— Твоя комната, — он открывает одну из них. — Напротив моей. Если захочешь сбежать — имей в виду, дом охраняется. Если захочешь меня убить — попробуй. Я не сплю уже тысячу лет, так что вряд ли застанешь врасплох.
— А если я просто захочу подышать воздухом?
— Тогда выходи в сад. Ворота откроются автоматически. Но учти: за воротами тебя никто не ждет. Твой дом теперь здесь.
Я вхожу в комнату. Она красивая. Большая кровать, камин, окно в пол. На стене — пустая рама.
— Здесь не хватает картины, — замечаю я.
— Да. Раньше здесь висела она. Берегиня. Я снял после ее смерти. И повесил... впрочем, неважно.
Он стоит в дверях. Смотрит на меня. И впервые за весь вечер в его взгляде появляется что-то, похожее на... растерянность?
— Скажи мне одну вещь, Алиса.
— Какую?
— Ты действительно хочешь, чтобы я влюбился в тебя? Или ты хочешь меня убить?
Я смотрю в его глаза. Янтарные. Древние. Усталые.
— А это не одно и то же? — спрашиваю я тихо.
Он не отвечает. Просто закрывает дверь с той стороны.
Я остаюсь одна в комнате напротив комнаты убийцы.

Сажусь на кровать. Смотрю на пустую раму на стене.

И вдруг понимаю: я не знаю, что чувствую. Ненависть? Да. Жажду мести? Да. Но еще... еще внутри шевелится что-то другое. То, чему я боюсь дать имя.

Я видела его страх в лесу. Я видела его боль, когда он говорил о лилиях. Я видела его одиночество — такое же огромное, как мое.

Господи, неужели я могу пожалеть чудовище?

В стене напротив — едва слышный стук.

Я замираю.

Тук. Тук. Тук.

Три удара. Потом тишина. Потом снова.

Я встаю. Подхожу к стене. Прижимаюсь ухом к холодным обоям.

Голос. Женский. Слабый. Едва различимый:

— Помоги... помоги мне... он запер меня... я не умерла...

У меня останавливается сердце.

Я отшатываюсь от стены.

Карина. Та самая девушка. Она не в гробу. Она здесь. Замурованная в стене. Рядом с моей комнатой.

Живая.

Глава 5. Стекло и сталь

Тук. Тук. Тук.

Три удара. Тишина. Снова три.

Я стою у стены и слушаю, как бьется чужое сердце за слоями штукатурки и кирпича. Карина жива. Замурована заживо. В стене напротив моей комнаты.

Интересно, он специально поселил меня сюда? Чтобы я слышала, как умирает та, что могла бы стать мной?

Я прижимаю ладонь к холодной стене и чувствую слабую вибрацию. Она там бьется. Пытается выбраться. Кричит беззвучно.

И первое, что приходит мне в голову — не ужас. Не сострадание.

Расчет.

Она — мой козырь. Живое доказательство того, что не все умирают в первую ночь. Она видела, что происходит в спальне. Она знает то, чего не знаю я. Она может рассказать.

Если я ее вытащу.

Если он не узнает.

Я отхожу от стены и сажусь на кровать. Смотрю на дверь. За ней — коридор. В конце коридора — его спальня. Там он сейчас. Может, спит? Хотя он сказал, что не спит тысячу лет. Может, просто лежит и смотрит в потолок, вспоминая лица, которые обязан забыть.

Мне плевать.

Я встаю и иду к двери. Открываю бесшумно. Выхожу в коридор.

Темно. Только тусклые бра на стенах дают желтоватый свет. Я крадусь вдоль стены, считая шаги. Первая дверь — моя. Вторая — пустая комната? Третья...

Стоп.

Вот эта стена. Я прижимаюсь к ней ухом. Тук. Тук. Тук. Удары стали тише. Она слабеет.

Я провожу рукой по обоям. Ищу щель, стык, хоть что-то. Ничего. Гладкая поверхность. Будто никогда здесь не было двери.

— Ищешь что-то?

Голос раздается прямо за спиной.

Я замираю. Медленно поворачиваюсь.

Он стоит в трех метрах. В черном халате, босиком, с бокалом в руке. Смотрит на меня с ленивым интересом.

— Не спится? — спрашиваю я, и мой голос не дрожит. Совсем.

— Я не сплю, — напоминает он. — А вот ты должна спать. Тебе нужны силы. Месяц только начался.

— Я искала ванную.

— В твоей комнате есть ванная.

— Я не нашла.

— Ты не включала свет.

Мы смотрим друг на друга. Я чувствую, как за моей спиной, в стене, бьется Карина. Чувствую каждым нервом.

— Знаешь, — говорит он вдруг, — за тысячу лет я научился читать людей. По глазам. По дыханию. По тому, как они стоят.

— И что ты читаешь во мне?

— Ты врешь. Ты не ищешь ванную. Ты ищешь что-то другое. Или кого-то.

Я молчу. Сердце колотится, но я не отвожу взгляда.

— Хочешь совет? — он делает шаг ближе. — Не ищи. То, что спрятано, должно оставаться спрятанным. Иначе... ну, ты понимаешь.

— Еще одна могила?

— Зачем могила? — он усмехается. — Могилы для тех, кого жалко. А некоторых просто... замуровывают. Чтобы не кричали.

Он знает. Он специально поселил меня в комнату рядом с ней. Он проверяет меня.

— Ты чудовище, — говорю я спокойно. Спокойнее, чем чувствую.

— Ты уже говорила. Это не новость.

— Новость в том, что я не боюсь тебя.

Он подходит вплотную. Берет меня за подбородок. Поднимает мое лицо к себе. Его пальцы холодные. Как тогда, в спальне.

— Не боишься? — шепчет он. — А зря. Потому что бояться меня — это нормально. Это инстинкт самосохранения. А его отсутствие — это либо глупость, либо...

— Что?

— Либо ты хочешь умереть. Снова.

— Я хочу не умереть, — я вырываю подбородок из его пальцев. — Я хочу, чтобы сдох ты. Тишина.

Он смотрит на меня долго. Очень долго. А потом вдруг улыбается. По-настоящему. Впервые за все время.

— Какая же ты... — он качает головой. — Таких не было. Никогда. Ни одна не говорила мне этого в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.